

Таким образом, гарантии обеспечения прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, являются важнейшим условием для существования правового государства, так как препятствуют развитию преступности, придают реальность объективным правам личности, а также способствуют установлению истины по уголовным делам.

Примечание

- ¹ См.: Международные акты о правах человека: Сб. документов. М., 2002. С. 39.
- ² Там же. С. 40, 57.
- ³ См.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 229–230.
- ⁴ См.: Гуценко К.Ф. Уголовный процесс / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1996. С. 19.
- ⁵ См.: Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М., 2005. С. 53.
- ⁶ Михайлов В.А. Курс уголовного судопроизводства / Под ред. В.А. Михайлова: Учебник: В 3 т. Т.1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.; Воронеж, 2006. С. 44.
- ⁷ См.: Кокорев Л.Д., Лукашевич В.З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестн. Ленингр. ун-та.

1977. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2. С. 110.

- ⁸ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ, принятый 17 февраля 1996 г. в виде рекомендательного акта на 7 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств // <http://www.pravo.by>.
- ⁹ См.: УПК Республики Беларусь (<http://www.pravo.by/webnpa/text.Asp?id=9900295>); УПК Республики Узбекистан (<http://www.pravo.by/webnpa/upk/Uzbekistan/part5.htm>); УПК Республики Казахстан (<http://www.cis-legal-reform.org/document/asp?id=6012>); УПК Республики Кыргызстан (<http://www.cis-legal-reform.org/document/asp?id=6511>); УПК Республики Молдова (<http://www.cis-legal-reform.org/document/asp?id=7192>); УПК Республики Армения (<http://www.cis-legal-reform.org/document/asp?id=3808191>); УПК Республики Азербайджан (<http://www.cis-legal-reform.org/document/asp?id=4502303>).
- ¹⁰ См.: Громов Н.А., Францифоров Ю.В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и судов. Основные начала. М., 2000. С. 35.
- ¹¹ См.: Постановление пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 // Сборник постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации 1994 – 2004. М., 2004. С. 11.

УДК 343.132(470)(09) «1905/1917»+929

ПРОВЕДЕНИЕ ДОПРОСОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

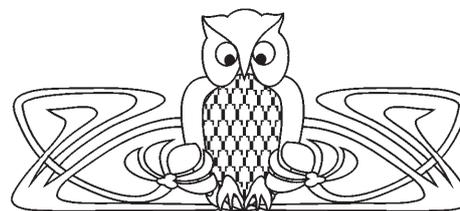
В статье рассматриваются организация, процедура и особенности проведения допросов высокопоставленных чиновников Российской империи – подследственных Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК)¹.

Conducting Interrogation Extraordinary Committee of Investigation of Temporary Government

Yu.V. Varfolomeev

In article is considered organization, procedure and particularities of the undertaking inquests high-ranking official to Russian empire – an under investigation Exceeding investigation commission (CHSK).

Допросы и опросы элитных подследственных – бывших сановников павшей монархии – производились в торжественной обстановке в парадном

зале Зимнего дворца, где помещалась ЧСК, или в здании Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где комиссии была отведена особая комната для допроса. «Комиссия выезжала на допросы в крепость au grand complet, – вспоминал один из ее руководителей С. В. Завадский, – не менее трех членов президиума, канцелярия (к которой присоединялись любопытствующие из наблюдающих за следствиями «представителей общественности») и стенографистки»².

Вел допрос, как правило, сам председатель комиссии Н. К. Муравьев, а в редких случаях – его заместитель. Здесь же присутствовали члены комиссии, секретари, стенографистки. Обязанности секретаря выполняли попеременно несколько человек. «Сегодня секретарствует Идельсон, прошлый раз – Гуревич, а в первый раз – Тагер»³, – отмечал эту особенность секретарь ЧСК Александр Блок. Допрашиваемому предлагались вопросы не только председателем, но и членами комиссии, а также специально вызванными следователями,

прикомандированными к ЧСК. Помимо ответов на вопросы, которые приходилось давать заключенным на пленуме комиссии, большинству из них предлагались дополнительно вопросы следователями-техниками, но уже в порядке следственном. Последняя процедура была необходима в целях будущего предания их суду.

Всего комиссия произвела 90 допросов 59 лиц, среди которых были министры старого режима и их заместители, сенаторы, губернаторы, генералы, директора Департамента полиции, общественные деятели и представители так называемых «темных сил»⁴.

Иногда при допросах использовали такую форму работы, как заслушивание заранее подготовленных подследственными их письменных объяснений по существу дела. Так, на одном из допросов подследственный С. П. Белецкий зачитал свои записки, «...сделанные им в эти дни по поручению комиссии (по его предложению)»⁵. Впоследствии президиум стал использовать эту форму показаний при допросах других фигурантов. Письменные объяснения экономили время и оказывались порой более обстоятельными и полными, чем устные ответы на допросах. В итоге вместе с застенографированными устными показаниями материалы допроса становились более полными и удобными для дальнейшей работы.

На особый характер и эксклюзивность форм допросов обратил внимание также и секретарь комиссии А.А. Блок: «Чрезвычайные обстоятельства вызвали к жизни необычные формы допроса членов бывшего русского правительства. Несмотря на то, что комиссия стоит на правовой почве, постоянно подчеркивая свою строго юридическую точку зрения, как бы отстраняя подробности, могущие понизить уровень допроса, материал⁶, добываемый путем допросов, оказывается неожиданно ярким с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже – с точки зрения языка»⁷.

К допросам подследственных президиум комиссии приступил 18 марта 1917 г. Открыл длинный список допрашиваемых бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов. «Допросы ЧСК начались, однако, не с Воейкова и Танеева, как было решено вначале, а с Хвостова, и для этого у комиссии были свои соображения. Дело в том, – считал А. Я. Аврех, – что Хвостов стал министром внутренних дел и вошел в доверие к царской чете благодаря Распутину, <...> комиссия очень рассчитывала на его разоблачения»⁸.

По поводу определения начальной даты проведения допросов и в источниках, и в исследовательской литературе содержится весьма противоречивая, а подчас и недостоверная информация. Даже знаменитый адвокат Н. П. Карабчевский, непосредственно общавшийся с председателем комиссии Муравьевым и бывший в курсе дел ЧСК, считал, что заключенных в Петропавловской крепости «держат уже месяцы без предъявления им

каких-либо обвинений»⁹. А заключенный К. Д. Кафафов посчитал, по-видимому, что допросы начались именно с того момента, когда впервые, в начале мая, допросили его самого. «Начались допросы заключенных, более двух месяцев (?! – Ю. В.) сидевших в крепости без всякого допроса и без всякого постановления»¹⁰, – не стовариваясь с Карабчевским, но слово в слово повторил он его заблуждение.

На самом деле, и это документально подтверждено, президиум ЧСК начал допросы через 17 дней после того, как первая партия подследственных была размещена в казематах Петропавловской крепости, через 13 дней после Указа Временного правительства об учреждении ЧСК и ровно через неделю после издания правительственного Положения, в котором определялись ее цели, задачи и полномочия, и на следующий день после своего первого заседания. Перед допросами, проводимыми непосредственно Президиумом ЧСК, следователи-«техники» снимали предварительные показания с заключенных, и члены комиссии, таким образом, приступая к своей работе, уже обладали определенной информацией по делу каждого фигуранта.

Первый допрос президиум комиссии провел в таком составе: Н. К. Муравьев, С. В. Завадский, С. В. Иванов, В. А. Апушкин, Б. Н. Смиттен, Н. Д. Соколов и Ф. И. Родичев. Все допросы, в том числе и первый – А. Н. Хвостова, были очень динамичными, информационно насыщенными и напряженными. Не только формальным, но и фактическим лидерством на допросах обладал председатель ЧСК Муравьев. Именно он на основе фабулы дела формировал тактику допроса и задавал нужное направление. Вместе с тем его лидерство не означало подавление инициативы других членов комиссии. Работа президиума была коллегиальной и слаженной. Основной круг вопросов предлагал сам председатель, но наряду с ним каждый член комиссии время от времени задавал тот или иной вопрос подследственному. В качестве примера – статистика допроса А. Н. Хвостова, на котором Муравьев задал 141 вопрос, Н. Д. Соколов – 46, В. А. Апушкин – 8, остальные – по 2–3 вопроса. «К допросам мы готовились, – отмечал Завадский, – между нами были поделены обязанности по подготовке к допросам...»¹¹.

Прежде всего следует отметить предельно вежливый тон допроса, который неизменно поддерживал председатель. Вот всего лишь несколько характерных оборотов, которые Муравьев использовал при допросах: «Я просил бы Вас...»¹², «...мы просим Вас остановиться на следующем <...> Благоволите начать»¹³, «...позвольте просить Вас...»¹⁴, «Благоволите рассказать...»¹⁵, «Будьте любезны продолжать»¹⁶, «Позвольте перейти к общему вопросу, от которого вы несколько уклонились...»¹⁷ и т.п. Психологическая деформация личности подследственного не входила в планы и тактику работы комиссии. А такая

обстановка, как альтернатива пыткам, априори исключенным из арсенала средств ЧСК (в отличие от ВЧК), располагала допрашиваемых к более откровенному и доверительному разговору.

Некоторые подследственные являлись бывшими представителями силовых структур павшего режима и досконально разбирались во всех нюансах следственных действий, в том числе и проведении допросов. Поэтому допросы нередко превращались в своеобразные «поединки», в которых участвовали ни в чем не уступающие друг другу соперники. Здесь надо отдать должное членам комиссии, которые по достоинству оценивали подследственных, не умаляя их сильных сторон и в то же время не спекулируя на их слабостях.

Приходилось также учитывать и разные характеры, и манеру поведения подследственных на допросе, среди которых были и упрямые, и сломленные духом, и истеричные, и аморфно-спокойные, и прямодушные, и хитрые, и грубые, и циничные и т.п. Все это, безусловно, делало каждый допрос в своем роде эксклюзивным, не похожим один на другой.

Допрашивать некогда «сильных мира сего» было очень тяжело. Это касалось не только заносчиво упорствовавших, но и безвольно заторможенных арестантов. Наглядной иллюстрацией последнего типа является допрос И. Л. Горемыкина. «В паузах Горемыкин дремлет или вдруг уставится вперед тусклыми глазами и смотрит в смерть, – точно подметил Блок. – Барин»¹⁸. Налицо патовая ситуация: время допроса неумолимо уходит, а ответов на вопросы так и нет. Муравьев начинает переживать и нервничать. Блок сразу же почувствовал перемену в настроении председателя и выявил при этом характерную закономерность в его внешности, которая выдавала внезапно подкатившую нервозность. «Муравьев краснеет, сначала – пятнами, потом ровно, <...> – заметил секретарь комиссии. – Муравьеву трудно, он злится. Горемыкин – полный рамолик, от него ничего не узнать, воли у него уже нет, не на что действовать. <...> От этого допроса ничего нельзя получить для комиссии, это только – для министров. <...> Горемыкин еще более деформирован»¹⁹.

Цвет лица Муравьева, по меткому наблюдению Блока, мог служить индикатором искренности допрашиваемых. Если только они начинали лукавить или уходить от ответа на поставленный вопрос, то проступавшая на лице председателя «краснота» тут же «сигнализировала» об этом. Так, на допросе С. Е. Виссарионова, где шла речь о злободневной и хорошо знакомой Муравьеву теме провокаторства, в тот момент, когда Виссарионов начал рассуждать о том, что они думали «наблюдать», а не подстрекать, и что в этом смысле такое «созерцание» законно, Блок заметил: «Муравьев начинает краснеть. Нет, перестал»²⁰, – после того,

как допрашиваемый, как бы осознав свой перегиб, перешел к критике системы, созданной прежним режимом.

Были среди подследственных ЧСК и очень неуступчивые фигуранты. К их числу следует отнести подследственного С. Е. Крыжановского. Неординарность и высокой интеллект Крыжановского отметил следователь комиссии Ф. П. Симсон, поделившийся своими наблюдениями с С. П. Мельгуновым: «...страшно интересны записки Крыжановского, самого умного из бывших властителей»²¹, – записал его мнение в своем дневнике историк.

Неудивительно, что допрос сразу принял форму напряженного интеллектуального поединка председателя и подследственного: «Борются и розовеют оба. Борются их умы только»²², – зафиксировал Блок. Несмотря на острое противостояние умов и идеологий, а также на высокий накал допроса, Муравьев не теряет выдержки и ведет себя как в большинстве случаев предельно вежливо: «Я немножко вас перебью»²³, – одно их характерных обращений председателя к подследственному, но с каким трудом давалось ему это самообладание, уловил только пристальный взгляд поэта: «Муравьев совсем красный...»²⁴.

Среди «трудных» подследственных ЧСК были не только такие самоуверенные и самонадеянные, как Крыжановский, но и вызывающе наглые и озлобленные, как Н. Е. Марков (Марков 2-й). В лаконичных строках Блока художественно выведен образ этого одиозного деятеля: «Лицо у него, кроме того, что загорелое, темное. Глаза черные, линии жестокие, глухой и озлобленный голос. Русский страшный Стенька»²⁵, – резюмирует поэт. После жестких вопросов члена президиума Н. Д. Соколова, заданных на повышенных тонах, Марков еще больше обозлился и замкнулся в себе. В таком состоянии, как подметил секретарь комиссии, он «щиплет бороду»²⁶ и нехотя отвечает на вопросы. Разрядить обстановку и вернуть допрос в прежнее русло конструктивного разговора удалось только Муравьеву: «Председатель опять спрашивает, и ему Марков отвечает гораздо мягче»²⁷, – заметил перемену настроения Блок.

Пожалуй, самым «тяжелым» подследственным явился бывший директор Департамента полиции И. М. Золотарев. Допрашиваемый упорствовал и уходил от ответа под разными предлогами. Например: «Ему желательно “разбить вопрос на две части”»²⁸. Секретарь комиссии безмолвно, но очень внимательно наблюдая за «поединком», предположил, что и Золотарева также «...приведут к покаянию, кажется, хотя и не в такой форме, как Белецкого или Виссарионова»²⁹. А вот и первые слова «стрелы» председателя, достигшие цели: допрашиваемому «...становятся неприятны вопросы, он подурнел, молчит, долго молчит»³⁰.

Как всегда самые жгучие и неприятные вопросы, адресованные руководителям Департамента полиции, касались провокаторской деятельности, и по данному сюжету позиция Золотарева на допросе не отличалась оригинальностью: «От Малиновского (от своей инициативы) совершенно отказывается (отрицается). Но ему было известно, что этот секретный сотрудник занял место в законодательной палате»³¹. Действительно, не так то просто добиться какой-либо существенной информации от опытного и хитрого полицейского генерала. Этот эпизод лишний раз говорит о том, что и на этом, и на большинстве других допросов каждая строка показаний в стенограмму протокола буквально добывалась членами комиссии.

Еще одна острая тема, которая была очень неудобна подследственным, – это перлюстрация. В ходе допроса Джунковского выяснилось, что, как товарищ министра внутренних дел, он напрямую не касался практики перлюстрации, имевшей на тот момент времени уже многолетнюю историю. По его словам, ответственным за эту своеобразную и щепетильную сторону деятельности ведомства был министр внутренних дел.

Наряду с подследственными членами президиума ЧСК были допрошены также известные политические деятели: А. И. Гучков, М. В. Родзянко, А. Р. Ледницкий, П. Н. Миллюков, М. В. Челноков, Н. С. Чхеидзе, А. И. Шингарев, В. Л. Бурцев. Общение с ними было весьма напряженным и требовало от членов комиссии особого такта, а иногда и выдержки. Приходилось подолгу согласовывать и выправлять тексты стенограмм показаний VIP-персон. Характерным примером такого вида деятельности ЧСК по взаимоотношению с высокопоставленными фигурами новой власти может служить письмо Н. К. Муравьева от 26 сентября 1917 г. председателю Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко, в котором он просил последнего «...просмотреть ее и внести те изменения и поправки, коими Вы найдете нужным и полезным дополнить или исправить стенографическую запись Вашего показания. Прошу извинить, – писал Муравьев, – что для ускорения приходится переслать Вам не сверенный, черновой экземпляр стенограммы. По внесении всех изменений и поправок, кои Вы найдете нужным сделать, прошу не отказать возвратить прилагаемый экземпляр стенограммы в Чрезвычайную Следственную Комиссию»³².

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проведение допросов, как правило, проходило в строгих рамках законности и при соблюдении общепринятых норм вежливости. Вел допрос председатель ЧСК Н. К. Муравьев и он же задавал подследственным большую часть вопросов. В ходе допросов председатель и члены президиума комиссии использовали

разнообразные тактические и психологические приемы. Особая роль при проведении допросов принадлежала непосредственно председателю комиссии Муравьеву, который вел их корректно, компетентно, со знанием канвы расследуемых дел.

Материалы допросов с документальной точностью и достоверностью выявили и изобличили болевые криминальные точки павшей империи: влияние органов власти на ход и исход выборов, образование партий «власти», создание и культивирование системы провокаторства, вмешательство в ход судебных разбирательств, инициирование и инсценировку политических процессов, заигрывание с «придворной камарильей», контроль за инакомыслящими через перлюстрацию и многое другое.

Примечания

- ¹ Полное официальное название этого органа: «Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомств» (далее – ЧСК).
- ² *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 60.
- ³ *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 332.
- ⁴ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. / Под ред. П.Е. Щеголева: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXIII.
- ⁵ *Блок А.А.* Записные книжки. С. 333.
- ⁶ Так в тексте.
- ⁷ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 443.
- ⁸ *Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 82–83.
- ⁹ *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. В 2 т. Берлин, 1921. Т. 2. С. 131.
- ¹⁰ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 89.
- ¹¹ *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 62.
- ¹² Падение царского режима. М.; Л., 1924. Т. 1. С. 2.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 20.
- ¹⁷ Там же. С. 79.
- ¹⁸ *Блок А. А.* Записные книжки. С. 327.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 344.
- ²¹ *Мельгунов С. П.* Воспоминания. Дневники. М., 2003. С. 291.

²² Блок А. А. Записные книжки. С. 374–375.

²³ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 384.

²⁴ Блок А. А. Записные книжки. С. 375.

²⁵ Там же. С. 378–379.

²⁶ Там же. С. 380.

²⁷ Там же.

²⁸ Блок А. А. Указ. соч. С. 353.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 93.

УДК 347.763(09)(470)

СИСТЕМА ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

О.Ф. Фаст

Саратовский государственный университет,
кафедра гражданского права и процесса
E-mail: jurriad@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы воздействия рыночных отношений на формирование системы договоров перевозки грузов автомобильным транспортом. Делается вывод, что большинство договоров, связанных с перевозкой грузов, взаимно дополняют друг друга и образуют взаимосвязанную систему договоров.

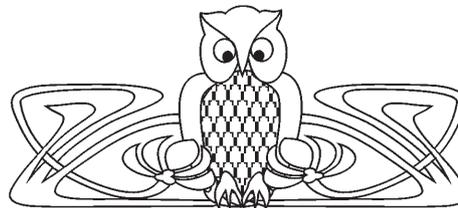
Motor-Traction Contracts System

O.F. Fast

In the article problems of the market relations influence on the forming of the motor-traction contracts system are analyzed. In the work it is concluded, that the majority of contracts, connected with freight, supplement each other and make interconnected system of contracts.

Автомобильный транспорт, сохраняя приоритетное положение в хозяйствующих системах России, в условиях перехода к рынку постепенно освобождается от прямого государственного регулирования. Рынок автотранспортных услуг все активнее заполняется коммерческими, частнопредпринимательскими структурами, становящимися постоянными субъектами автотранспортных отношений. Естественно, что в этих условиях особое значение приобретает договор перевозки грузов автомобильным транспортом, позволяющий свободно выбирать контрагента и определять условия договора по согласию с ним¹.

Договор перевозки грузов автомобильным транспортом корреспондирует самой автотранспортной системе России, поскольку способствует нормальному функционированию последней, обеспечению народного хозяйства, юридических и физических лиц услугами по перевозке грузов. В условиях ликвидации государственного планирования² он занимает в системе транспортных договоров особое положение.

Рыночные отношения в корне изменили взгляд на договорные отношения. Они заставляют все больше и больше вопросов оставлять на усмотрение участвующим в сделке по перевозке грузов сторонам. Естественным образом это касается прежде всего договора перевозки, в который наряду с обязательными могут быть включены любые условия, признаваемые сторонами в качестве таковых³.

В связи с этим законодатель в новом Уставе 2007 г. значительно расширил возможности сторон регулировать их правоотношения на основе заключаемых договоров – в нем, помимо договора на перевозку грузов, предусмотрено, например, заключение договора об организации перевозок грузов и договора фрахтования, которые различны как по правовой природе, так и по содержанию. В этих условиях нельзя говорить только об одном договоре на перевозку груза⁴, как это делалось ранее⁵, а имеет смысл говорить о системе договоров, опосредующих перевозки грузов.

Правота нашего суждения вытекает из понятия системы как множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство⁶, как комплекса таких избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата⁷. Если договор на перевозку грузов, договор об организации перевозок грузов и договор фрахтования объединить в систему, то они как избирательно вовлеченные компоненты, взаимодействующие между собой, по закону системы примут характер взаимодействия для получения фокусированного полезного результата – эффективного правового обеспечения перевозки грузов автомобильным транспортом.

Следующий аргумент в пользу признания договоров, обеспечивающих процесс перевозки грузов автомобильным транспортом, компонентами единой системы заключается в правовой природе данных договоров.